

НА ЮЖНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

СЕРГЕЙ ШАМРОВ
ФОТО АВТОРА И ВАЛЕРИИ ХОХЛЕНКОВОЙ

Теплый ковер сухих водорослей пружинил под ногами. Густой йодистый запах царствовал над побережьем. Я бродил по южному берегу Швеции, где на солнечных пляжах сквозь пальцы ног струился мелкий песок, а в гостеприимных гаванях хотелось задержаться подольше...

После суточного перехода из Карлсруны я с удовольствием смотрел на открывающиеся утром береговые пейзажи. Обрывистые берега с парящими над ними парапланами остались позади, и теперь как на ладони были видны прибрежные городки и деревушки, поля, расчерченные дорогами, лесные рощи и сады. В бинокль можно было разглядеть пасущихся лошадей и коров, а по шоссе, идущему недалеко от уреза воды, бежали и бежали автомобили...

По гладкой, недавно успокоившейся воде скользили многочисленные парусные яхты, чуть мористее виднелись два парусника, а еще дальше по своим делам спешили контейнеровозы и огромные паромы. Солнце вставало все выше и все ярственнее пригревало — в

каюту слой за слоем отправлялась теплая одежда, пока на теле не остался минимум жаркого дня — шорты и карибская панама с лихо загнутыми кверху полями. Ход становился все меньше и меньше, в кильватере закручивались ленивые водовороты. Я в который раз принялся изучать «Gasthamns Guiden» — путеводитель по шведским гостевым гаваням, где в простой и понятной форме давалась вся необходимая информация для путешественника, ищущего уют. Мое внимание занимали три небольшие марины, рядом с которыми я находился. Все они располагались на южном побережье Швеции, в районе Треллеборга — крупного паромного порта, связывающего Швецию с другими балтийскими странами.

Smygehamn, Gislövs lage и Skare даже внешне были похожи друг на друга. Двойная стена волноломов защищала их гавани от штормо-

вого волнения; швартовка на сваи, стоящие рядами вдоль причалов; практически одинаковые цены за постой (от 130 до 150 шведских крон) и привычный для Европы уровень сервиса: электричество, вода, душ...

Разглядывая страницы справочника, я вдруг отметил, что уже не раз смахивал с них мешающую мне полосатую муху. Отведя глаза от книги, удивился обилию ее соплеменниц, ползающих вокруг меня по банкам и комингсам кокпита, рубке, палубе, парусам. Мух становилось все больше и больше, и, не думая о последствиях, они начали приземляться прямо на меня, щекоча голую кожу своими жесткими лапками и брюшками. Недопитый кофе в кружке быстро покрылся трупиками утонувших странниц, а они все прибывали и прибывали, раздражая своей бесцеремонностью. Кажется, они выбрали яхту как место послед- ➤

него приюта. Мухи погибали сотнями, словно выполнив поставленную задачу долететь до яхты и помереть. Все вокруг было услано жестким ковром из умерших насекомых. Терпеть их становилось совершенно невыносимо — представьте только, что по вам беспардонно ползают сотни насекомых, от которых совершенно нет спасенья! Ярким примером тому был капитан проходящей мимо яхты, который вступил с летучими захватчиками в бой. Он поливал палубу меткими залпами воды из ведра, отступая, прыгал в море, смывая с тела прилипчивых врагов, снова взбирался на палубу и суматошно бегал по ней от кормы до носа. Меж тем ветер практически стих, а так как ближайшей на тот момент оказалась гавань деревушки Gislovs lage, я завел двигатель и направил яхту к ней. Увы, скорость в 4,5 узла не спасла меня от природного феномена, и выдержать эту неожиданную атаку помогла лишь более плотная одежда, которую вновь пришлось извлечь из каюты.

Возле берега полчища мух исчезли, позволив спокойно оглядеться. Внешний волнолом гавани довольно дале-

ко выходил в море; две пары буев отмечали короткий фарватер, ведущий к ней. Оголовки волноломов со стоящими на них небольшими башнями-маяками были густо покрыты белой краской, обозначая проход и делая его хорошо различимым даже в сумерках или тумане. За первым волноломом высился второй, с еще одним проходом, а за ним раскинулась и сама гавань. Четыре линии причалов с рядами свай вдоль них и приглубая каменная набережная слева от входа, вдоль которой стояли рыбацкие суда. Причалы были плотно окружены яхтами. По повисшим в безветрии гостевым флажкам под правой краспичей и флагам Голландии, Германии, Дании на флаштоках яхт среди них сразу угадывались два причала, отведенные для гостей. Еще пару причалов занимали местные лодки, сильно уступая заморским гостям в своих размерах. На мостках у воды отдыхали птицы, сушил свои крылья баклан. По поверхности дрейфовали островки плотно слежавшихся подвяленных водорослей, которые оторвало недавним волнением от душистого ковра, устилающего здешние пляжи. Один из них, достаточно крупный и мрачный на вид, я даже попытался обойти, приняв за нештучную опасность.

Швартовка в гаванях со сваями никогда не нравилась мне. Причиной тому — маленькие размеры лодки, вызывающие необходимость заложить концы на две сваи еще по пути к причалу: потом до них будет не дотянуться — нужно специально «ехать». Поэтому, когда количество гаваней с подобной схемой швартовки составило некую критическую массу, у меня уже было хорошо отработанный метод, годящийся для малочисленных экипажей вроде моего, когда на каждый швартов по человеку не поставишь. Сначала заводится один единственный кормовой на сваю с наветренного борта, и яхта швартуется к причалу. Потом, потравливая носовые концы, можно снова подтянуться к линии свай и заложить второй, подветренный конец. Ну а о том, чтобы все швартовы были на месте, яхтмену-одиночке нужно позаботиться заранее.

В гавани царила уютная атмосфера покоя, чуть нарушаемая каждой очередной входящей яхтой. За ее маневрами с интересом наблюдали из кокпитов, указывая, где еще остались свободные места для швартовки. Люди прогуливались по причалам, сидели за столиками маленького кафе, неспешно занимались своими делами на лодках. Кон-

тора гавани открывалась на короткое время вечером и утром, и до оформления прибытия и оплаты стоянки можно было не торопясь познакомиться с окрестностями. Судя по всему, раньше это была обычная рыбацкая гавань. Об этом свидетельствовал весь ее антураж. У отдельного причала был устроен целый музей, где борт о борт на воде покачивались старые промысловые лодки, а рядом, на берегу, стояли рыбацкие сети, верши и рыболовные садки. Даже буи мертвых якорей у этого причала были сделаны, как встарь, — из пробки и дерева. На поперечине, установленной на зеленом газоне, были основаны тали, и каждый желающий мог сравнить выигрыш в силе, подняв любой из лежащих на земле тяжелых мешков, потянув конец, заведенный в один, два или три лопаря. Здорово!

В обе стороны от гавани тянулись песчаные пляжи, покрытые плотным ковром слежавшихся водорослей. Море дарило людям свои богатства, и у местных фермеров всего-то и дел было, что время от времени сгребать водоросли в огромные ароматные кучи и везти на поля

в качестве удобрения. Дома стояли достаточно далеко от воды, и берег был совершенно свободен для прогулок всех желающих. Тут и там виднелись группки людей, идущих к мосткам для купания, прогуливающих собак, играющих, загорающих. Иногда проезжали всадники. На берегу, сгрудившись в удобных для спуска местах, лежали лодки, каноэ, доски виндсерфингистов; густо рос шиповник с ягодами размером в пол-ладони, стояли рошцы деревьев. Нагретый песок струил к небу горячий воздух, тихо шумела прибойная волна. Таким запомнилось мне южное побережье Швеции.

Утром меня разбудил будильник, не первый год служащий на моей яхте верой и правдой. Пора было собираться в море. В гавани стояла странная тишина, несвойственная обычному утру. Не были слышны голоса соседей, готовящихся к отходу, молчали моторы. Причина стала понятна, лишь только я высунул нос наружу: все вокруг было покрыто густым туманом. Серая мгла плотно укутала яхты — не видны были даже дальние соседи. Туман сочился водой, все вокруг было мокрым, как после дождя.

Позже, чем обычно, встречали этот день птицы. Многие из них тоже явно пережидали туман. Лишь утки начали свой обход, плавая от яхты к яхте в надежде получить какое-нибудь лакомство. Некоторые выражали свое нетерпение громким криканьем. Криканье местных уток удивило — оно явно было на тон ниже, чем обычно. Причина удивительного отличия скоро стала ясна — раздался басистый гудок туманного горна выходящего из Треллеборга парома. Потом еще одного и еще. Стало понятно, кто служит местным уткам примером, невольно являясь учителем пения. Кто бы мог подумать?!

Шло время, туман не рассеивался. Даже самые нетерпеливые смирились со своей участью и отложили выход. Их примеру последовал и я. Природа дала шанс провести еще один день на южном побережье Швеции. Грех было не воспользоваться этим. ☺

 от € 198 000 ➤ 46CC
 € 122 950 ➤ 47
 € 92 620 ➤ 40.3
 € 79 350 ➤ 37.3
 € 59 800 ➤ 33.3
 € 37 700 ➤ 31
 € 31 700 ➤ 28
 € 21 000 ➤ 26
 € 118 182 ➤ 24
 € 73 945 ➤ Escape 1050
 € 36 900 ➤ Escape 800
 ➤ Escape 1350